

О ВСТРЕЧАХ С СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ НА ДОРОГАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ РАССКАЗЫВАЕТ АВСТРАЛИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ АЛАН МУРХЕД

Алан Мурхед (Alan Moorehead, 1910-1983) - известный австралийский журналист и писатель-историк. В частности, его перу принадлежит ставший классическим труд «Галлиполи». В годы Второй Мировой Войны он был военным корреспондентом. В его книгах есть строки, написанные об отношении британцев к своему неожиданному союзнику – Советской России, о встречах с советскими солдатами и офицерами в Иране, оккупированном советскими и британскими войсками осенью 1941 года. Писал он и о том, как встретил советских людей, оказавшихся по другую сторону фронта в Нормандии в 1944 году. Из его книг, написанных во время и сразу после ВМВ мы можем узнать, как воспринимали советских людей и противника союзники в те годы.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК, 1941

Ближний Восток был почти полностью британским миром, совершенно британским относительно миропонимания, а для некоторых слегка отставшим от реалий времени... Растущее левое движение среди солдат и рабочих Великобритании лишь слегка затронуло Ближний Восток. Понятно, что политические течения в сердце империи не сразу проникают на ее окраины. Будучи изолированными в пустынных и разбросанных местах службы, люди жаждали печатного слова и не получали его. Это отрезало их от политических и социальных процессов дома.

В этом замкнутом и строго аполитичном мире вступление России в войну на нашей стороне пошатнуло равновесие в умах офицеров. Своевременная и здравая речь премьер-министра о нападении нацистов сделала очень много для того, чтобы прояснить нашу позицию. Но и после этого оставался колоссальный разрыв [между ней] и нашей

внутренней пропагандой по этому вопросу. Людям, выросшим в атмосфере школы-университета-города-армии неожиданно привыкнуть к мысли о том, что теперь они сражаются бок о бок с коммунистами, было нелегко. Было неуютно и больно смотреть, как они борются со своими убеждениями. Некоторые и не пытались этого делать. Другие избегали этого вопроса. Большинство, в конце концов, осуществили необходимый психологический переход, и, по мере того, как сопротивление русских становилось день ото дня ожесточеннее, они начали чувствовать гордость за красного солдата.

Для заурядного британского солдата такой переход не был необходимостью. Условия труда в Великобритании в конце тридцатых и направление нашей внешней политики вплоть до Мюнхена вовсе не сделали из него большого поклонника Консервативной партии. Он уже успел сместиться на какое-то расстояние влево. В этот момент он был намного впереди своих офицеров в оценке русского вопроса.

Но солдатский переход к новому политическому раскладу был медленным и осторожным... Прошлой зимой на Ближнем Востоке рядовому было достаточно знать, что его дом в Англии в опасности, и что он сражается за свою жизнь. Теперь же, когда кризис миновал, мы могли резонно надеяться на победу над врагом. До какого состояния? Собираемся ли мы уничтожить Германию? Собираемся ли мы вновь отстроить английские города и улучшить условия труда? Заключим ли мы союз с Соединенными Штатами? В пустыне и в дельте (Нила - В.К.), в море на транспортных судах и в дальних гарнизонах Мальты и Кипра, Адена и Басры люди спорили об этом до бесконечности. Неизбежно каждый спор скатывался к *России, Таинственной Красной России, месту Московских Процессов, Большевиков*, усов и волжских лодочников, одетых в кафтаны. Невежество [британцев - В.К.] было достойно сожаления.

Однако, день за днем семена восхищения Красными начинали прорастать в лагерях и бараках Ближнего Востока, и появилось усиливающееся чувство: Мы тоже должны сделать что-то...

ИРАН, 1941

Мы проезжали группы индийских солдат, расположившихся на привал вдоль дороги... на третье утро мы добрались до их наиболее отдаленного поста роты гуркхов. Их офицеры сказали нам, что британцы и русские встретились день назад, а теперь русские отошли к Касвину, расположенному около семидесяти километров дальше по дороге... Мы настойчиво продолжали путь, и тут кто-то сказал: Боже, что это?

Это был грузовик с солдатами, которые на первый взгляд, казалось, были нацистами. Они сидели по четыре человека в ряд в своих габардиновых гимнастерках и сапогах. На их головах были немецкие каски, и каждый человек, вытянувшись в струнку, сжимал в руках винтовку с примкнутым штыком. Где я видел это раньше? В новостях, показывавших вход нацистов в Вену? Мы проехали рядом с ними. Вглядываясь в их лица, мы увидели молодых светловолосых людей с голубыми глазами и круглыми коричневыми щеками. К их поясам были прикреплены ручные гранаты, через широченные плечи были перехлестнуты ремни с патронташами. Все винтовки были автоматическими.

Они даже не повернулись, чтобы посмотреть на нас. Они смотрели прямо вперед, плотно усевшись на жесткие деревянные скамейки своего гусеничного грузовика. Я внимательно посмотрел на ближайшего парня, но его приятные крестьянские глаза были пустыми и жесткими, а его большая рука твердо сжимала ствол винтовки. Он был столь же прям, как березовый ствол...

В этот момент величайший красный блеф лопнул во мне раз и навсегда. Где же тот бедный анемичный русский пехотинец, оказавшийся в Финляндии без сапог? И где эти немые орды, разгромленные немцами в прошлой войне? И где эти кустарные фабрики, выпускающие любительские ружья и ржавые патроны? Где крестьяне, раздавленные ОГПУ?

Это был великолепный блеф, и он стабильно работал на протяжении двух десятилетий. Теперь, наконец, русские были вынуждены раскрыть карты. Их картами были эти молодые люди, каждый - настоящий атлет, с их железной дисциплиной, новеньким современным оружием и отличным здоровьем. У них было то, что редко можно увидеть на лицах молодых людей. Это была смесь юношеской силы и духовной решимости и что-то еще может быть гордость. Прежде я такого не видел.

По мере того, как мы подъезжали к Касвину, одна примечательная вещь за другой попадалась нам на глаза. Нам встречались многочисленные зенитки, которые были установлены на гусеничные платформы и были предназначены для защиты от низколетящих самолетов. Они продвигались вместе с конвоями пехоты на грузовиках... Их полевые орудия были слишком далеко от нас, чтобы разглядеть их, но, несомненно, они были вполне современными. У них были броневики с двухфунтовыми орудиями и двухдюймовой броней на башнях..., стальные полевые кухни и автобусы с радиостанциями... самолеты быстрее наших *Спитфайров* (последние мы увидели позднее). У них было множество гусеничной техники и маленькие разведывательные танки. Все это вооружение было в безукоризненном состоянии.

Все люди были в серо-зеленой униформе и легких черных сапогах. Нашивки на рукавах показывали, кто был электриком, кто радистом, кто танкистом и так далее. Офицерские звания были показаны маленькими красными эмалевыми значками, прикрепленными к петлицам гимнастеров четыре значка у генерала. У всех были тяжелые стальные каски.

Часовые дважды выскакивали из траншей и останавливали нас. У них были русские автоматы.

Рано после полудня мы прибыли в гостиницу в Касвине, в которой находился русский армейский штаб. У дверей были русские часовые и бронеемобили, а персидские слуги, заметно испуганные, подавали поздний ланч. Один за другим русские штабные офицеры и комиссары пришли на ланч.

Их было около двадцати. Они были грубоватыми, жесткими, вспотевшими и радостными. Старший политкомиссар, круглый свиноподобный маленький человек пристально посмотрел на меня и сказал: Мы встречались в Валенсии во время Испанской войны. Я этого не помнил, но, казалось, это его еще больше убедило. Генерал пришел последним, это был небольшой человек с обманывающе мягкими манерами. Гражданский переводчик появился из ниоткуда и объяснил, что мы являемся группой британских и американских военных корреспондентов, направляющихся в Тегеран.

Пригласи их пообедать, - сказал генерал. Мы обсудим это потом. Ланч продолжался до шести вечера. Была стадия, когда мы ели холодного цыпленка и вежливо болтали через переводчика. Стадия, на которой мы поднимали тосты за Сталина, Рузвельта и Черчилля. Стадия, на которой мы обменивались нашивками и вместе пели народные песни. Стадия, на которой мы грозили немцам и снимали друг друга на мою миниатюрную кинокамеру. И, в конце концов, стадия, на которой я отправился в свою комнату с раскалывающейся головой для того, чтобы напечатать послание.

На протяжении всех этих тостов и питья жесточайшей персидской водки, генерал был обаятелен, но тверд. Тегеран, сказал он, еще не был оккупирован союзными войсками. Он, со своей стороны, был бы рад разрешить нам ехать дальше, но он только что достиг

договоренности с британским генералом, согласно которой никто не может двигаться дальше. Покажите пропуск от британского генерала, он подпишет его и ежайте вперед.

Ничего не оставалось, как ехать назад в британский штаб. Манди и Патрик Кросс из агентства Рейтер... добровольно вызвались ехать, в то время как остальные лягут спать. Они ехали всю ночь, были дважды арестованы русскими патрулями и рано утром вернулись с пропуском. К десяти утра мы были вновь в пути.

Всем заправлял страх - страх перед русскими, не перед британцами. Русские побывали в этой стране во время предыдущей войны, захватывали Касвин, тот самый город, который оккупировали сейчас, и были тогда безжалостны и суровы. Каждый перс, с которым я разговаривал, казалось, смертельно боялся русских. Тегеранцы распространяли самые душераздирающие слухи о красных жестокостях, грабежах и изнасилованиях.

Немцы и итальянцы также требовали, чтобы их передали под наш, а не русский контроль. Было любопытно наблюдать, как даже после бомбардировок Англии эти прихлебатели из стран Оси были убеждены, что у британцев до сих пор сохранились к ним хорошие чувства. И для них был типичен соответствующий страх перед русскими. То же самое я наблюдал после падения Аддис-Абебы. Даже тогда, когда они попадали к нам в руки, итальянцы и немцы не расставались с убеждением, что британцы будут обращаться с ними хорошо...

Находясь в Тегеране в ожидании отъезда всех граждан стран Оси и отречения Шаха от престола в пользу сына, мы решили съездить на Каспийское море, где располагался Красный флот... Наконец мы спустились ниже уровня моря [очевидно, автор имеет в виду, что поверхность Каспийского моря расположена ниже уровня океана - В.К.]. Шесть красных часовых преградили нам дорогу. Сэм помнил несколько русских фраз, а Клиффорд, казалось, мог заговорить на любом языке, который ему нравился, в течение десяти минут. Они представились [часовым - В.К.]. Позвякивая своим автоматом и ручными гранатами, русский «капрал» поклонился нам в пояс - изумительный жест - и сказал, что мы должны проехать несколько километров дальше на восток вдоль побережья и представиться его офицеру.

Наступил действительно приятный для нас момент. Каспий был сер и бескраен - прекрасное зрелище после пустыни. Из зеленых лесов через дорогу и песчаные пляжи текли небольшие горные ручьи. Два русских эсминца стояли на якоре, и снова появился неожиданный восторг по поводу русской мощи. На расстоянии эти корабли выглядели точно так же, как и наши новейшие эсминцы, разве что несколько более щеголевато и современно в своих очертаниях. Если серая краска годится для чего угодно, то они были в отличном состоянии... Еще два часовых-автоматчика преградили дорогу к причалам. Незнакомая униформа означала для них противника, и мы пошли им навстречу, предусмотрительно держа руки подальше от бедер. Затем появился лейтенант в голубой габардиновой гимнастерке и голубой фуражке с якорем на околыше. Он был невероятно симпатичен, а его зубы годились для американской рекламы зубной пасты.

Как только мы приблизились, часовые отдали честь и встали по стойке смирно, оставаясь в ней до конца наших переговоров. Когда офицер позвал морского пехотинца, тот подбежал к нему, отдал честь, вытянулся по стойке смирно, получил приказ, снова отдал честь и бегом помчался на свой пост.

Эти людям была свойственна дисциплина, которую мне еще не приходилось видеть в нашей или любой другой армии. Может быть, все вместе они и товарищи друг другу, но подчинение красному офицеру является настолько незамедлительным и профессиональным, что это редко увидишь и на строевом плацу. В Касвине к двери моей комнаты был приставлен часовой. То, как он вставал по стойке смирно и отдавал честь, когда я только появлялся на расстоянии, даже действовало на нервы. Здесь, на Каспии, это был вовсе не отрететированный парад для улаживания иностранцев. Мы прибыли

неожиданно, были первыми визитерами и, вероятно, первыми иностранцами, которых увидели эти люди, не считая персов.

Лейтенант сразу же выписал нам пропуск... Весь оставшийся полдень мы ехали по южному побережью Каспия к Рамсару... Старший полицейский Рамсара - напоминающий луковицу потливый человек, увенчанный прусским шлемом, встретил нас и длинной речью предложил нам принять сдачу города. Мы позвали его в дом и сидели с ним до ночи, пили водку и лимонад и закусывали икрой. Нас пригласили съездить утром в лес поохотиться на кабанов, но мы отказались. Каждый раз, когда полицейский заговаривал, он щелкал каблуками, кланялся и поднимал свой бокал, произнося тост...

Вскоре оказалось, что истории о жесткостях русских были неправдой. Было правдой, что казаки сильно испугали людей, проскакав галопом по улицам. Правда, что они захватили какие-то запасы сахара и другой провизии, в которой они нуждались. Правда, их самолеты бомбили Пехлеви - город на побережье.

Но их флот так и не открыл огонь. В Пехлеви все случилось потому, что персы в последний момент решили замаскировать свои военные корабли ветками деревьев и кустами, которые они привезли с гор. Но затем появился русский крейсер, и команды [иранских кораблей - В.К.] встали по стойке смирно. Бельгийский консул спас ситуацию, добравшись на гребной шлюпке до одного из персидских кораблей и подняв белый флаг до того, как русские предприняли атаку.

Несколько слов о русских комиссарах. Они носили такую же форму, как и солдаты и имели те же звания. Они подчинялись непосредственно Москве, а не армейскому командованию. Во всем, что не касалось военных операций, контроль принадлежал им. Они руководили администрацией оккупированных территорий, финансовыми и экономическими делами и вопросами пропаганды. Они осуществляли посредничество между солдатом и государством. Они управляли армией. Они надзирали за моралью и всеми нормальными гражданскими аспектами жизни. Им принадлежала значительная власть. Так, когда один красный офицер, сапер, хотел показать мне медаль, которая была у него в кармане и фотографию жены и детей, я заметил, что он предварительно бросил взгляд через плечо на ближайшего комиссара - в этом случае, на моего толстого друга из Валенсии. Комиссар кивнул, и сапер показал свои сувениры.

Было очевидно, что подозрительность русских не знала границ. Они не доверяли иностранцам за исключением тех случаев, когда в этом была необходимость. Однако, когда я покидал Персию, британские и русские командиры действовали в согласии друг с другом, и все, казалось, шло достаточно гладко. Понемногу отношения налаживались. Магистральный путь для доставки грузов в Россию был проложен. С оккупацией Персии непрерывный фронт от Мурманска до Египта был создан. Русские ввели в Персию шесть дивизий, мы две. И десяти процентов тех сил не было нужно для осуществления операции.

Потери были незначительными - всего несколько сотен человек в общей сложности. Для самих персов оккупация оказалась добрым делом, так как их новый Шах, которого короновали в сентябре, разрушил королевские монополии, открыл двери тюрем для политзаключенных, расплатился с армией, уменьшил налоги и стал прислушиваться к советам. Было завезено продовольствие для того, чтобы накормить его изголодавшихся подданных. Стало казаться, что у страны будет нормальное будущее несмотря на войну.

ЕВРОПА, 1944-1945

Нормандия

... Еще не закончился 1940 год, когда французы поняли, что есть вещи похуже, чем война... Сначала это было восстание не против немцев, а против самой идеи поражения, против самих себя образца 1940 года... К 1944 году это превратилось в национальное возрождение, возрождение гордости...

... [Французы] ненавидели немцев не потому, что голодали. Это было другое – обыкновенное чувство гордости... Простое присутствие немцев в роли баронов подействовало на людей удивительным образом. Дело было не в том, что немцы вели себя плохо. Все заключалось в том, что, что они обладали властью вести себя так, как заблагорассудится... Любовь французов к партизанам-маки, тем, кто остался верен своему долгу, была столь же сильна, сколь сильна их ненависть к коллаборационистам. Их было мало, но ими восхищались все, и все были готовы спрятать их или помочь им. Пока маки существовали и были готовы к смерти и пыткам, каждый француз мог сказать: «Франция не умерла. Она – все еще страна героев». Естественно, что, когда коллаборационист выдавал маки гестаповцам, его ненавидели с такой страстью, что пришедшие солдаты союзных войск не могли этого понять. Янки и *томми* с отвращением смотрели на то, как французских подружек немецких солдат выволакивали на сельские площади и брили им головы, и часто пытались помешать этому. Все это достигло еще большего накала, когда мы дошли до Парижа и Брюсселя...

В том, как французы встречали союзников, особенно британцев, я подметил некоторую тенденцию. Они побаивались, что мы будем держать на них обиду за то, что их страна рухнула в 1940 году, и того, что наше поведение будет напоминать то, как вели себя немцы в Италии после ее капитуляции. Фактически, ничего этого не было, и, какие бы чувства не обуревали солдат, я не слышал, чтобы кто-нибудь из них в резкой форме в чем-то обвинил французов за все время нашего марша по Франции...

В то же время во внутренних районах страны движение маки развернулось со всей силой. В разные моменты времени они перерезали все железнодорожные пути, ведущие в Париж. Вражеские дивизии были вынуждены перемещаться словно по вражеской территории с рекогносцировочными патрулями на обоих флангах. На юге шли бои с участием десятков тысяч человек. По всей стране взлетали на воздух немецкие склады боеприпасов, взрывались мосты, перерезались телеграфные линии, подвергались нападению немецкие конвои. Немцы потеряли возможность спокойно проезжать через лесные массивы без охраны... Через несколько недель маки контролировали территорию в 3-4 раза большую, чем мы на наших плацдармах в Нормандии...

Под Каном и Шербуром

Пленные были необычными. В небольшой деревне Брикебек (Briquebec) у меня появилась возможность познакомиться с ними поближе. Несколько деревянных сараев были огорожены колючей проволокой, и в них было пять отдельных помещений. Немецкие офицеры. Немецкие унтера. Немецкие солдаты. Смесь русских, поляков и чехов. Потом неопределенная толпа рабочих организации *ТОДТ* в гражданской одежде, в основном, испанцы и итальянцы. Снаружи - толпа французов, рассматривающих все это сквозь колючую проволоку...

Немецкие офицеры и унтера сидели небольшими неподвижными группами. Они молча смотрели поверх голов охранников и других пленных и даже не разговаривали друг с другом. Все, что они хотели дать понять, было абсолютно очевидно: достоинство, гордость, презрение, безразличие. Сила даже после поражения... Немецкие солдаты спали, у них не было никакой позы – они просто отдыхали...

Русские и поляки стояли, как скотина. Бессловесные, медленные и тяжеловесные. Один из них запел жалобную песню. Остальные просто стояли и ждали. Им дали галеты и мясо, и они не выразили никаких эмоций, кроме желания добраться до еды. Если бы их повели расстреливать одного за другим, они бы, вероятно, не выразили удивления. Ситуация была за пределами их понимания.

Затем были итальянцы. Они шумели у проволоки, с десяток из них говорили одновременно: «Вы говорите по-итальянски? Слава Богу!.. Объясните американским солдатам, что мы не воевали. Мы были пленными у немцев. Нас заставили работать. У нас ничего общего с немцами. Мы хотим воевать против них. Мы хотим свободы и желаем вернуться домой... Не найдется ли у Вас сигарет, шоколада?»

Снаружи французы брили головы двум деревенским девушкам, которые спали с немцами. В сумерках эти люди подошли к воротам и стали глумиться над немцами и плевать в них... Американский солдат – часовой у ворот - возвышался над толпой на целую голову. В конце концов он сказал, размахивая винтовкой: «Валите отсюда к черту».

Так выглядела со стороны эта сцена с пленными. Десяток разных национальностей. Все реагируют по-разному, стремятся к чему-то разному, говорят на разных языках. Всего лишь час-другой назад они сражались с самоубийственной жестокостью. Доты держались еще долгое время после того, как поражение стало очевидным. Русские стреляли до последнего момента, прежде чем поднять руки вверх. Теперь, за колючей проволокой, наблюдалось полное разложение, и ненависть к немцам была очевидной. Когда привели еще одну группу пленных, немецкий офицер нагнулся, чтобы поднять упавшую сигарету. Какой-то поляк выбежал и втоптал окурки в грязь. Затем он повернулся к немцу и захохотал ему в лицо.

Я нашел американца, который говорил по-польски, и мы начали беседовать с пленными, в основном, с одним, который выглядел интеллигентнее других. «Почему я воевал за немцев? Хотите взглянуть на мою спину? Она вся в шрамах от шеи до задницы. Они били меня палашом. Ты подчиняешься приказам, или тебя не кормят. Да, я стрелял из окопа. Там был немецкий унтер, который стоял за моей спиной с револьвером. Просто стрелять было недостаточно. Надо было стрелять вперед. Не сделаешь этого, получишь пулю в спину. Если не верите мне, спросите других. Люблю ли я немцев? Да я бы повырывал у них кишки»...

... 28 июня командир татарского батальона «Волга» сообщил в немецкий штаб, что в него стреляли свои же, и что около ста из них дезертировали. Батальон отвели в тыл...

История начала вырисовываться: плотник из Туркестана, служащий из Львова, механик из Барселоны. Это были дети оккупированной Европы, и внезапно стало ясно, что называть их «противником» было бы смехотворным преувеличением... Это не была армия наемников, в эту армию людей сгоняли насильно. Эти солдаты сражались не за деньги, а из страха перед тем, что с ними сделают, если они не будут сражаться...

Немцы были баронами, новыми феодалами. Темному деревенскому парню устраивали представление. Ему говорили: «Наступила новая эра. Это эра нового бога – Адольфа Гитлера. Мы дадим новую униформу и оружие тому, кто пойдет за нами». Этого было достаточно, чтобы задурить голову деревенщине. Вместо того, чтобы каждый вечер доить корову, он теперь мог маршировать вслед за оркестром. У него новая винтовка. Он занимается спортом и участвует в соревнованиях, встает с рассветом и делает зарядку. Вдоволь еды. Торжественные и поднимающие дух парады. Парень теперь – среди товарищей, в героической роте, в крестовом походе против большевизма. И он идет на фронт.

Довольно много латышей, хорватов и белорусов было мобилизовано подобным образом. Все – добровольцы. Германия шла к победе, и они маршировали вместе с ней. Затем немцам понадобилось больше людей... Не стало добровольцев, и в ход пошли угрозы... Оставалось либо идти к немцам, либо бежать и прятаться. Для последнего нужна была смелость. В деревнях становилось голодно. С неохотой люди шли в рабочие команды и армейские части. Но и этого было недостаточно... Теперь их брали силой. Людям давали билет и приказывали явиться для прохождения службы. Выбора не было. По всей Европе людей засасывала в себя эта машина. И, в конце концов, перед вами смехотворная аномалия – русский крестьянин, которого затолкали в дот и приказали стрелять в американца в Нормандии...

В Париже

Целую неделю перед нашим прибытием шли уличные бои. Три четверти Парижа были освобождены бойцами Сопротивления...

Я осматривался по сторонам в поисках кого-нибудь, кто проводил бы меня на другой берег реки, когда один из парней с повязкой «Свободная Франция» остановил меня. «Идемте, - сказал он [по-английски]. – Я отведу вас в наш штаб». – «Говоришь по-английски?» - «Я служил в Королевских ВВС». – «А как ты...?» Это была короткая и невероятная история. Сбит над каналом (Ла-Маншем), попал в плен, бежал, три года скитался по Европе, и вот теперь в Париже. «Я – австралиец, - сказал он. - У нас в отряде кроме французов есть испанцы, голландцы, поляки и португальцы»...

Они располагались в гаражной мастерской. В задней комнате сидели под замком около двадцати пленных мужчин и женщин. Все они встали, когда мы вошли в комнату, и было очевидно, что эти люди ждут смерти. Больше половины из них были снайперами. Молодежь из рядов Сопротивления относилась к ним, как мясник относится к своей работе на бойне... Через час пришел приказ передать всех пленных союзным военным властям. Бойцы отреагировали на это с равнодушием. Убивать или не убивать – не все ли равно? Без разницы, главное то, что эти пешки убраны с шахматной доски Парижа...

Голландец сказал мне по-английски: «Мы проводили заседания военного трибунала в соседней комнате. Прошлой ночью у нас был зубной врач, который выдавал своих пациентов Гестапо. Мы приняли к сведению свидетельства в его защиту, прежде чем расстреляли его»...

В Брюсселе

В день освобождения миллионы брюссельцев, обезумев от радости, заполнили улицы, визжа, крича, размахивая флагами. Радость Парижа была бледной тенью по сравнению с этой феерией...

По свидетельству Мурхеда, в Брюсселе и других бельгийских городах, как и во Франции, население так же, если еще не более жестоко, расправлялось с коллаборационистами, издевалось над пленными немцами и женщинами, запятнавшими себя связями с оккупантами. При том, что бельгийцы меньше пострадали от оккупации и военных действий, чем французы, ненависть к немцам была безграничной и достигала патологических масштабов. Однако, у бельгийцев и не только у них были враждебные чувства и по отношению к Советской России.

Здесь, как и во Франции и в Италии, бытовал сильный и невежественный страх перед Россией. Я обедал во многих мелкобуржуазных семьях, которые настороженно покачивали головой, слыша о наступлении Красной Армии. Они (*русские – ВК*) против бизнеса, против

Церкви. Низенький доктор (*Геббельс – ВК*) быстро добивался успеха в своих выступлениях по радио, когда вещал следующее: «Вы не слушаете. Мы знаем, что вы не слушаете нас, христиане Европы. Но в один прекрасный день вам придется прислушаться. Вы говорите, что вы против нацистской Германии. Очень хорошо. Какая у вас альтернатива? Большевики! Не верьте, что американцы и британцы придут и спасут вас. Красная волна накатывается на вас с востока. Один человек и только он один против нее: немецкий солдат под Киевом (Варшавой или Одессой, в зависимости от ситуации). Если он уступит, рухнет все. Выбор за вами, христиане».

Эти слова находили одобрение у многих даже в Америке и Англии.

Правдой было то, что люди боялись не столько России, сколько победы коммунизма у себя дома. В Бельгии, так же, как во Франции и в Италии со всей очевидностью происходил сдвиг влево... Маленький бельгийский и французский капиталист боялся, что местный рабочий примет рукопожатие ужасных большевиков, которые, как говорит добрый доктор, накатываются с востока. И что тогда случится с тобой? С бизнесом? Мелкий биржевой маклер сказал мне однажды, что «этих бастующих рабочих на шахтах он заставил бы работать под дулом пулемета»...

Проблемой было то, что никто из этих людей не получал и йоты правдивой информации о России на протяжении более чем пяти лет. Когда кто-нибудь говорил им, что Россия теперь стала одной из наиболее националистических и консервативных стран в мире, что классовые различия быстро оживают под сталинской дланью, и частная ответственность возвращается, они расценивали это как шутку...

В Германии

... Первым, что мы поняли через неделю после пребывания среди немцев, было то, что они не ожидают хорошего отношения к себе. У них был огромный комплекс – нет, не вины, а поражения... Если солдаты союзных армий грабили магазин, хозяин и не думал протестовать. Он ожидал этого. Причиной всему был всеобъемлющий страх...

Иногда наша машина застревала в грязи, и немцы по первому слову бежали выталкивать ее. Как-то немец подошел к моему шоферу и сказал: «Русские военнопленные грабят мой магазин. Не могли бы английские солдаты быть столь любезны, чтобы прийти и распорядиться, чтобы это делалось организованно». Ему не пришло в голову оспорить право русских грабить. Он просто хотел избежать ненужного битья стекол...

Мурхед случайно оказался в центре дебатов между немецким пастором и американским офицером, который пытался найти в занятом немецкими гражданскими лицами бомбоубежище место для беженцев. Пастор обещал помочь и показал свободные помещения:

Он (*пастор - ВК*) говорил по-английски медленно и осторожно. «Вот комната первой помощи. Вот вентиляционная». В каждой комнате были служители, которые вскакивали и становились по стойке смирно при нашем появлении. «Я должен извиниться за туалеты, - сказал пастор. – С тех пор, как ушли русские пленные, стало некому их мыть». Я спросил, почему немцы сами не могут убрать свои туалеты, но он, по-видимому, не понял, и продолжал говорить о другом. Через полчаса я уже не мог этого выносить, и мы направились к выходу...

К востоку от Рейна

... На протяжении нескольких недель – пока этому не был положен конец – шел повсеместный и откровенный грабеж. Немецкие автомобили сотнями выводили из гаражей и укрытий, красили в хаки и увозили подальше. Фотокамеры, часы и револьверы отбирались у пленных, а, зачастую, и у гражданских лиц. Вино было законной добычей для всех. В почти каждом городе потрошили магазины и опустошали винные заводы. Даже картины вытаскивали из рам. Все это сильно отличалось от того, как грабили немцы. Немцы грабили систематически и официально. Они отбирали не бутылки с вином, а целый годовой урожай. Они увозили продукцию целых фабрик, захватывали подвижной состав железнодорожных станций, золото из банков, железную руду с рудников, а потом увозили целые завоеванные народы.

Когда мы форсировали Рейн, пришлось столкнуться с новой проблемой, почти такой же большой, как и сама Германия - миллионы и миллионы полурабов. С каждой милей, которую мы проезжали вглубь Германии, их становилось все больше и больше: небольшие группы французов, затем голландцев, потом бельгийцев, чехов и поляков, итальянцев, и, в конце концов, больше всего – русских в ярко-зеленой форме с белыми буквами SU на спине. Половина народов Европы была на марше, все слепо двигались навстречу британцам и американцам, подчиняясь какому-то общему инстинкту, надеясь найти у них еду и кров. За каждым поворотом дороги мы натыкались на группу людей с мешками на плечах, пробиравшихся вдоль кюветов, чтобы не мешать проходящему военному транспорту. Немцы страшно боялись русских. Снова и снова к нам подбегали женщины с криками: «Дайте нам охрану! Русские забирают все. Следующая их группа разнесет все, если они ничего не найдут». Но еще больше немки боялись за себя. Случаев изнасилований становилось все больше. Было все больше грабежей...

Спиртное вызывало больше беспорядков, чем что-либо еще. Поляки и русские, в особенности, в первые моменты свободы набрасывались на ненавистное им фабричное оборудование и разбивали его ломami. Если они находили винный завод или один из многочисленных складов вина, награбленного во Франции, то происходили сцены, которые разбились бы сердце гурмана-ценителя вин...

В концлагере Берген-Бельзен

... Сначала мы взглянули на женщин-охранниц. Британский сержант открыл дверь камеры и мы увидели около двадцати женщин в грязно-серых юбках и кителях, сидящих на полу. «Встать!» - рявкнул сержант по-английски. Они встали по стойке «смирно» в полукруг. Худые и толстые, костлявые и мускулистые; все с неприятной внешностью, а две – просто явно кретинического вида...

У входа находилась расчерченная на квадраты доска. Слева была колонка с национальностями: поляки, голландцы, русские и т.д. Вверху были наименования колонок с религиями и политическими партиями: коммунисты, евреи, атеисты и пр. При взгляде на доску было видно, сколько заключенных каждой национальности было в лагере, и как они подразделялись политически и религиозно. Немцы составляли большинство. Затем шли русские и поляки. Было много евреев. Насколько было можно разглядеть, там было с полдюжину британцев, один или два американца. Всего было около 50 000 заключенных...

... По мере того, как мы продвигались вглубь лагеря, людей становилось все больше и больше. Все больше бумажного мусора, тряпок и людских останков, все менее переносимый запах... Мы ехали через эту грязь на машинах, пока не наткнулись на группу немецких охранников, сбрасывающих трупы в карьер размером около ста квадратных футов. Британский солдат вел им счет. Когда число достигало 500, бульдозер, управляемый другим солдатом, засыпал трупы землей. Трупы имели удивительный жемчужный цвет и были очень маленькими, словно трупики детей. Увядшая кожа свисала

с костей, и все нормальные черты, по которым узнается человек, исчезли. У меня не было сил смотреть на все это дольше одной-двух секунд, но эсэсовцы-охранники и даже британские солдаты, по-видимому, привыкли к виду смерти и работали без видимых признаков отвращения...

... Мы стояли небольшой группой: майор-коммандо, священник, трое или четверо корреспондентов. Сначала сказать нам было нечего, но потом мы стали задавать друг другу один и тот же вопрос. Был ли это садизм? Нет, вовсе нет. В этом лагере относительно мало пытали, а садист предпочтет сделать что-то причиняющее боль другим людям быстро и эффективно. Он не получает удовлетворения от того, что люди медленно умирают от голода... Опять же, немцы – народ рациональный. Им была нужна рабочая сила. Можно ли себе представить что-то более иррациональное, чем дать этой ценной рабочей силе сгнить? Заключенных Бельзена даже не заставляли работать. Их просто загнали сюда и посадили на двухразовый дневной рацион супа из турнепса...

Заключенных убили не пытки. Их убило пренебрежение, нацистское равнодушие... Привыкнув к безразличному отношению к заключенным, настроившись на него, охранники все меньше и меньше задумывались о страданиях людей вокруг себя. Было принято к сведению то, что они должны умереть. Они были русскими. Русские мрут. Евреи мрут. Они даже не были врагами. Они были болезнью. Станешь ли ты рыдать или симпатизировать по поводу смертельной агонии бактерий?

Ну а что же народ Германии? Почему они дали этому случиться? Почему не протестовали? Ответ: во-первых, мы не знали, что эти лагеря существуют, а во-вторых, как мы могли протестовать? Нацисты были слишком сильны. – А почему вы не протестовали, когда нацисты шли к власти? – А кто знал, что нацисты закончат этими ужасами? Когда они пришли к власти, они руководствовались программой, которая была нужна Германии: новые дороги, современные здания и машины. Все это сначала казалось рациональным и полезным. Когда мы поняли, что нацисты ведут дело к войне, было уже слишком поздно... А почему другие страны, у которых были силы остановить нацистов, не сделали этого своевременно?

И, таким образом, все это на совести у всего мира! Никто не хочет нести ответственности - ни охранники, ни мучители, ни Крамер (*комендант лагеря – ВК*). Все они выполняли приказы. Ни Гиммлер, ни Гитлер (цель оправдывает средства: они боролись за избавление всего мира от угрозы еврейского большевизма – ими руководило высокое чувство долга). Ни сам немецкий народ. Им тоже приходилось подчиняться.

Эти аргументы мы слышали, наблюдая за закатом Германии...

Крах

Капитуляция Германии пришла не под грохот, а под хныканье... Вокруг нас пятьдесят великих городов лежали в руинах... Значительная часть населения просто бродила по дорогам вместе с миллионами иностранцев. И все они присоединились к остаткам немецкой армии. Массовое бегство от русских по направлению к Эльбе и англо-американским позициям началось. Офицеры избавлялись от своей формы и выпрашивали или крали гражданскую одежду. Массовый ужас охватил всех столь сильно, что когда в небе появлялись самолеты, раздавался крик «Русские! Русские!», и толпа разбегалась в панике по всей округе...

Нужно было быть в Германии в то время, чтобы оценить весь этот слепой и всеобщий страх перед русскими. В голове каждого [немецкого] солдата было одно: если его возьмут в плен красные, то его избыют, будут морить голодом, сошлют в Сибирь и загонят в гроб раньше

времени непосильной работой. Каждый мирный житель был уверен, что его женщину схватят и изнасилуют, его собственность реквизируют, а ему самому будет суждено погибнуть самым невыносимым образом. Доктор Геббельс достиг своего последнего успеха. Он настолько крепко вбил в головы мысль о терроре большевистских орд, что когда орды действительно появились, каждый немец в панике бросился на запад...

По свидетельству Мурхеда, немецкие генералы из всех сил старались сдаться союзникам, а не Советской армии. В одном из случаев сам Монгомери отказал им в этом, сказав, что «эти армии сражаются против русских, поэтому они должны сдаться русским. Я не собираюсь заключать какие-либо сделки...» Доходило до того, что немецкие генералы сдавались сами, узнав от союзников, что их подразделения уже пленены наступающими советскими войсками! До последнего момента нацисты пытались заключить с союзниками сепаратную сделку...

Alan Moorehead. African Trilogy. 1944

Alan Moorehead. Eclipse. 1945

Перевод – Владимир Крупник